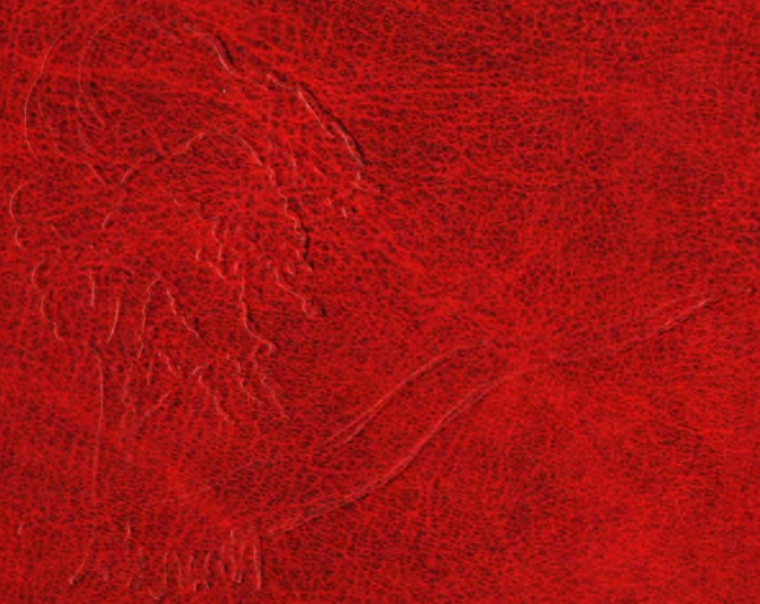

84 (2Рос-Рус) 6-5
117

Александра Лазарева

ЗЕМНАЯ ОБИТЕЛЬ

Александра Лазарева

ЗЕМНАЯ ОБИТЕЛЬ

900013739€

Шадринск
2004

ББК 84.Р7-5

Л 17

А. В. Лазарева. Земная обитель. —
Шадринск: Издательство ПО «Исеть», 2004.
— 104 с.

ISBN 5-7142-0524-3

© А. В. Лазарева, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной сборник стихотворений Александры Лазаревой представлен несколькими циклами лирики. Очерчен и несколько сужен круг интересов несомненно талантливой поэтессы, но, очевидно, в том и состоит мастерство, чтобы в обыденности бытия черпать, и небезуспешно, свое вдохновение.

*На двоих у нас дом и заботы,
Много лет в любви и ладу,
И опять ты спешишь с работы,
Потому что я тебя жду...*

Под этими строчками из заглавного стихотворения цикла «Я жду...» могут подписаться многие жены нефтяников, ежедневно ожидающие мужей с промыслов, с вахты, со смены...

Второй цикл не зря назван «Ошиблась кукушка...» В нём с горечью и надеждой поэтесса раскрывает красоту и трагедийность судьбы современного сельского хозяйства.

*Опустился на озеро вечер.
Покосилась пустая избушка,
В одиночество кутая плечи...
Нет деревни.
Ошиблась кукушка...*

Оптимизмом проникнуто стихотворение
«Руки братьев».

*Трудовая сухая мозоль —
Неизменное их украшеньё...*

*В них — надежда и радость, и боль...
В них — крестьянских задач решение.*

Действительно, только трудом поднимется
крестьянин, поставленный перестройкой за грань
выживания.

*«Я хочу, чтоб родилась пшеница
На полях у деревни родной...*

Пусть так будет по всей России...» —
пишет Александра Лазарева. И наши мысли
целиком на стороне автора.

«Жив крестьянин-трудяга пока,

Значит, будет Россия жить!» —
пишет она, вторя самой себе в другом стихот-
ворении.

И ничего, что «Витьке рыжему выпить охо-
та...», вот у Сашки другая забота: «Сашке нынче
сено метать», ничего что наследие «коммунисти-
ческого» прошлого — пьянство — нет-нет, да и
дает о себе знать и в городе, и в деревенских
остатках, но есть еще «Сашки да Ваньки», спо-
собные «метать сено, перекуров не зная».

Значит, будет зерно и мука,

Молоко будем теплое пить...

Третий цикл «Поздний шепот» — о цве-
тах, ягодах, подругах, временных периодах.

*Есть ведь ночь впереди,
Чтоб отдаться мечтам...
От проблем избавляюсь
Назойливо-нудных.
Когда номер набрав,
Попадаю к друзьям!*

Завершает сборник рассказ «Баба Валя дома?». Вообще проза поэта — это весьма специфический жанр. Поэтому я не берусь его критиковать, оставив это право читателям.

А я надеюсь, что читатель, открыв эту книжку, впустит к себе, как испытанного друга, автора этих строк, поэтессу Александру Лазареву.

**Георгий Ешимов,
член Союза писателей России.**

я жду

ТЫ

Лучшие в мире цветы —

Ты!

Рвущие душу мечты —

Ты!

Солнца восход над рекой —

Ты!

И небосвод голубой —

Ты!

Чистая грань высоты —

Ты!

Милые в детях черты —

Ты!

01.2004 г.

Я ТЕБЯ ЖДУ

Избеги трудового грома,
Поспешి в долгожданный уют.
Крепче крепости стены дома,
За которыми верно ждут.

Я разглажу твои печали,
Я руками тоску отведу.
И с улыбкой доброй встречаю,
И с большим нетерпением жду.

На двоих у нас дом и заботы,
Много лет в любви и ладу.
И опять ты спешишь с работы,
Потому что я тебя жду.

09.2003 г.

СПАСИБО ТЕБЕ

Спасибо тебе,
 что ты есть у меня,
За нежность твою и руки.
За то, что от искры такого огня
Мельчают страдания и муки.

Спасибо тебе,
 что ты есть у меня,
За Мудрость,
 Любовь,
 Пониманье.
Ты — мой талисман,
 что по жизни храня,
Могу презирать все страдания.

Спасибо тебе! —
 Повториться не лень,
И день поцелуем начат...
А если тобой начинается день,
В нём будет и Свет,
 и Удача!

Спасибо тебе,
 что ты есть у меня...

02.01.2002 г.

Я ЛЮБЛЮ ТВОИ РУКИ

Сколько славных мужчин вокруг,
Их улыбки влюбленные кружат!
Сколько милых, заботливых рук,
Только нету добрей,
чем у мужа.

Режут хлеб, застилают постель,
И мои укрывают плечи.
В них —
любви моей страстный хмель,
И о них мои тихие речи.

В нашем доме — тепло и уют,
И взамен ничего не нужно.
Потому что там руки живут
И отца, и любимого мужа.

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ

Не кричит о любви на углу
И в объятьях на людях не тиснет.
Но любимое блюдо к столу
Принесёт, прочитав мои мысли.

Только он переступит порог,
Моё сердце болеть боится.
Нашу встречу устроил Бог —
Рядом с ним ничего не случится!

Его преданность не напоказ,
А любовь его — в действии каждом.
Верю: он никогда не предаст,
Если трудно придётся однажды!

18.02.2003 г.

Я еду в отпуск,
Я — желанный гость —
Уж два часа,
Как мы с тобой расстались.
К подругам еду, к братьям,
тёте Вале
И со слезами —
К маме на погост.

Я представляю,
Радость не тая,
Как встретит
Тётя Валя
Добрым вздохом.
Мне там легко,
Там — родина моя,
И всё же
Без тебя
Там очень плохо...

30.06.2003 г.

ЛЕНЕ

И когда растревожит лихо,
И когда я от боли кричу,
Я уткнусь в плечо тебе.

Тихо

О волненьях своих прошепчу.

Самый ласковый, мудрый самый,
Ты теплом мою душу согрей.
И, как в детстве когда-то мама,
Меня, слабенькую, пожалей...

02.2002 г.

ОШИБЛАСЬ КУКУШКА...

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Ножки детские босы.
С царапиной — к маме
С воплем громким бежали в родительский дом.
Где обид наших горьких волнующий пламень
Затихал под заботливым тёплым крылом.
Неудачи в любви, как в пронзительной драме
Мы уладить старались одни, а потом
С этой болью сердечной спешили мы к маме,
В самый светлый на свете родительский дом.

В доме лад и тепло.
Мы — родители сами.
Но хочу я прижаться дочерним плечом
К самым мудрым и чутким — к папе и маме,
В Цитадели, чьё имя — Родительский Дом.

20.11.2003 г.

БРАТ МНЕ СНОП ПОДАРИЛ

Сноп колосьев пшеницы —
Символ мира в селе,
Чтобы счастьем делиться
Нам на доброй Земле.

Чтобы полною мерой
Целый мир ощутить.
Чтоб достаток и вера
Путь могли осветить.

Чтобы дочка любила,
Сын успехом дивил,
Чтобы сердце не стыло —
БРАТ МНЕ
СНОП ПОДАРИЛ!

Всем мечтам моим сбыться,
Он, как Спас на крови, —
Сноп колосьев пшеницы,
Символ доброй Любви!

4.10.2003 г.

НОЧИ БЕЛЫЕ

Ночи белые, словно птицы,
В город северный держат путь.
Что нам в белые ночи приснится?
Что нам вновь растревожит грудь?

Ночи белые мне подсказали
В царство детства мосток потайной.
Вот черёмухи цвет у Натальи —
Моей бабушки, доброй, родной.

Вот покос.
Я в лесу с медуницей
Пью, хмелея, берёзовый сок.
А прикрою покрепче ресницы,
Снится озера чистый песок.

Там на озере лодка маячит, —
Дядя Ваня плывёт. Рыболов...
О, какое великое счастье —
Сохранённая к предкам любовь.

05.2002 г.

ЗОВ РОДИНЫ

Словно голос заботливой мамы,
Милой Родины слышится зов.
Самый мудрый, надёжный самый:
«Возвращайся под отчий кров».

Километров суровые тыщи
Жажду родины не заглушат.
Её голос в тайге меня сыщёт,
И поможет вернуться назад.

Церковь.
Озеро.
Бани.
Покося, —
Неизменные в сердце моём.
Помню тёплые летние росы,
Где когда-то прошла босиком.

Привлекают красоты Парижа,
Может, съезжу ещё, а пока
Мне деревня уральская ближе...
Жду опять я от брата звонка.

01.06.2002 г.

ЗАПАХ ТРАВЫ

Что такое — запах травы? —
Одуванчика, клевера, мяты?
В нём — туман молодой головы,
Предвещавший любви утраты.

Василёк, подорожник, — трава,
Незабудка, ромашка, — соцветья.
О любви повторяем слова,
Даже осенью с думой о лете.

И душой добрый запах приняв,
Я слова уже не различаю...
Летний запах ликующих трав...
По нему безнадёжно скучаю...

01.06.2002 г.

ТРАВА КОНОТОП

Стоп, далёкого детства мгновенье!
Память чистая, временно стоп!
Мне потребно из детства лечение —
Запах доброй травы — конотоп!

На тропинке от нас до соседей
Конотопинки-чудо росли.
Снова в отпуск на родину едем
Мы в объятия трав и земли.

Я рыдаю, хмелея от счастья,
В эту травку уткнувши лоб.
Не страшны мне лихие ненастья,
Если рядом трава — конотоп!

22.06.2002 г.

РОССИИ — ЖИТЬ!

Возвращаюсь в родные края,
У Крутинских вздыхаю ворот:
Как живёшь ты, деревня моя?
Как ты здесь, деревенский народ?

Начинает будильник-петух
Новый день — семь волнующих нот.
Лику светлому молимся вслух:
Слава Богу: деревня живёт!

Косит Колька траву на сенаж,
А Валерка во кузне куёт.
Не пустует колхозный гараж,
Значит, наша деревня живёт.

Значит, будет зерно и мука,
Молоко будем тёплое пить.
Жив крестьянин-трудыга пока,
Значит будет Россия жить!

05.08.2002 г.

*Крутинка — рабочий посёлок в Омской области.

РОМАШКОВОЕ ДЕТСТВО

Я забыла девичьи ненастья.
Моё детство — лазоревый цвет.
И такое великое счастье —
Из ромашек и мыслей букет.

В огуречник, меж грядок, дорожка.
Самой маленькой, мне — первый плод...
В одеяле дышу над картошкой —
И простуда легко отстаёт.

Пасху помню — я крашу яички,
Рады все, что Воскресе Христос!..
Вот букетик несёт землянички
Моя мама, закончив покос.

А меня берегут по наследству
Папа, братья — полно мужиков.
...А какое оно, моё детство?
Да оно из ромашек-цветов.

09.2002 г.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЗАРИСОВКА

Я в отпуск к родимому ближе —
Презрев городской уют,
Деревню уральскую вижу:
Коровы с пастушни идут.

Соседский мужик-работяга
С тревогой к косилке спешит.
Опять неисправная тяга
Работу его тормозит.

Гусята кудрявую травку
Совсем перестали щипать.
Подруга зовёт сына Славку
Малюток домой загонять.

Вот Люба уже процедила
По просьбе моей молоко...
И в детстве подобное было,
Да детство ушло далеко...

16.07.2002 г.

БОГОМОЛИЦЫ

Посреди Одиночества-крика,
Не познав городской уют,
Без удобства большого и шика
Мои тётки в деревне живут.

Даже если болезнь им на плечи
Свои цепкие руки кладёт,
Они ждут меня каждый вечер
На скамейке у ветхих ворот.

На районную глядя дорогу,
Страх-болезнь прогоняя с плеч,
Вновь молитвенно просят Бога
Не себя, а меня беречь...

29.10.2002 г.

ПОКЛОНЕНИЕ

Вихри дел каждодневных кружат,
И никто их не в силах сузить.
Красной лентой вяжется туже
Размышлений памятный узел.

Кто он, предок, мой благодетель,
Что энергии мощную силу
Только мне передать наметил,
Чтобы словом стиха говорила!

Чтоб от мыслей испариться в стужу —
Им в груди ни к чему томиться.
Не держу — пусть в слова и — наружу!...
Но за это кому поклониться?

Дед Иван? Или прадед Тихон?
Кровь родная в бушующих венах.
Стоп, энергия! Мысли, тихо! —
Перед предком стою на коленях...

27.01.2003 г.

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ

Сколько их, деревень позаброшенных, —
Лукино, Мазуровка, Вавилово,
Где покосы годами не кошены,
Где гуляют ветра не над нивой?

Где у дома, людьми обделённого,
Голоса не слышны петушинные.
А туман огородами сонными
К лесу движется тропкой звериною.

И за солью, что в доме закончилась,
Валя к Нюре не кинется «займовать».
Ты поднимешься завтра ли, нонче ли,
Деревенька, любимая самая?

Кто пришёл здесь хозяйкой не прошенной,
Разорил всё рукою постылою?
Сколько их, деревень позаброшенных, —
Лукино, Мазуровка, Вавилово?

01.2003 г.

КУКУШКА

Я склонилась над чистой тетрадкой
И готова писать не спеша.
И от памяти, доброй и сладкой,
Запевает, теплея, душа.

Вот в раскрытое настезь окошко
Заглянула тихонечко рань.
Мне ещё подремать бы немножко —
Так заманчиво манит диван.

И пуховая чудо-подушка
Шепчет: «Сон, мол, поберегу».
Но из сказки явилась кукушка
Со столба прокричала «ку-ку».

Слышу — мама её прогоняет
И не сказочным словом кричит:
«Улетай ты, злодейка такая,
Пусть девчонка хоть малость поспит!»

Промычала соседки корова,
Из своих выплывая ворот, —
Эту сказку мне снова и снова
Дарит память не первый год.

Мне от записей в толстой тетрадке
Оторваться невмочь.
И нельзя.
Я живу этой памятью сладкой.
Почему же горька слеза?..

18.02.2003 г.

ОШИБЛАСЬ КУКУШКА

Озаряясь лучами с востока,
Синим лоскутом озеро всплыло.
И кричала кукушка без срока —
Сотни лет деревеньке сулила.

Жил крестьянин в работе и вере,
Был доволен избой и амбаром,
За отцов и детишек уверен —
Знал, что жизнь проживает не даром.

Опустился на озеро вечер.
Покосилась пустая избушка,
В одиночество кутая плечи.
Нет деревни.
Ошиблась кукушка...

29.08.2003 г.

МОЙ ОТЕЦ

Мой отец был крестьянский мужик —
И за век свой немало видал.
Белым днём отдыхать не привык,
Ночью тёмной порой не спал.

Мои мысли грустны-далеки —
И такое нельзя позабыть:
По ночам он латает мешки
Или валенки мог починить.

Он и стряпать пельмени любил,
Да и кушать, наверное, тож.
Не могу говорить о нём «был»,
Он всегда в мои мысли вхож.

В сенокос людям грабли стругал,
За работу — всего три рубля!
И литовки легко отбивал...
На крестьянах стоит земля!

Мой отец — простой русский мужик —
На работу крестьянскую спор.
О любви говорить не привык,
Я люблю его до сих пор...

20.06.2003г.

ХОЧУ ДОМОЙ

Снова ссорюсь я с белой ночью,
И подушка не ладит со мной.
Ваня-Ванечка, милый браточек,
Я в деревню хочу, домой.

Не хочу на Канары и в Сочи,
Всех святых об одном молю,
Чтоб вернуться с тобою, браточек,
В дом наш старый, на самом краю.

И ступить на крыльцо в три ступени
Да в раскрытую настежь дверь,
Чуть пригнувшись, зайти сразу в сени,
Как в раскрытую бездну потерь.

Дверь не сразу откроешь в избу,
Как и мысли, она тяжела.
Отдала бы я маме полжизни,
Если б только отдать смогла.

Мы теперь уже знаем сами
Смысл фразы — «детей растить».
— Мама-мамочка, милая мама,
Ты прости нас.

За всё прости.

Я, босая, иду по земле
Без стыда, без сомнения и боли.
Вижу хлеб, когда он на столе,
Знаю хлеб, когда он в чистом поле.

От кусочка ржаного хлеба
В горсть сметаются хлебные крошки.
В них — любовь и забота отца,
Пот и радость — всего понемножку.

Я, босая, в отцовском селе.
От морозов душа не застыла.
Пусть отца уже нет на земле,
Мне земля отдаёт его силу...

28.07.2003 г.

ВЕТЕР С УРАЛА

По теплу тебя, ветер, узнала
И по добрым объятьям твоим.
Ты, наверно, родимый, с Урала
Мёрзнешь здесь, средь Сургутских зим.

Задержись на огромном проспекте,
Улететь от меня не спеши.
И не пой мне о целом свете,
О деревне моей расскажи.

Нет тебе там достойной работы —
Дуть легко на подворьях пустых.
На дороге — сугробы-сумёты,
А в домах — моя память и стих.

У сиротских домов — ни полена,
Редкий строй беззаботных столбов.
И не ждут своих жителей стены,
Ясли фермы не ждут коров.

Чаще снится мне нынче стала
Беззаботная прошлая жизнь...
Если вновь долетишь до Урала,
Ты родимой земле поклонись...

25.12.2002 г.

ТАМ, У ВОДЫ...

Там, у воды, что за нашей деревней,
Бабки Любавы старый покос.
Тополь разлапистый, мудрый и древний,
В душу, как в землю, пожизненно врос.

Мачеха-мать на корнях, как царица,
Тёплым вниманьем не тешит себя.
Кажется все это мне или снится?
— Родина!
Как я живу без тебя!?

А на покосе, как звезды, ромашки,
В бабкину честь, улыбаясь, цветут.
Редкие гости в деревне мы нашей...
А тополя нас по-прежнему ждут.

МЫ С МАМОЙ

Мой отец не умел притворяться,
Был он с нами и строг, и суров.
А мы с мамой любили смеяться,
Не скрывая свою любовь.

Что морковка имеет ноги
(Мы смеялись по пустякам),
И что ночью по нашей дороге
Она ходит по деревням.

Тётя Дуся взяла за грибами
Два ведра.
Принесла одно.
И ещё — подбородок у мамы
Выдающийся.
Так смешно!

С той поры пролетело лет 20,
Доброй памяти «аз воздам».
И мы с дочкою любим смеяться.
Просто так.
По пустякам.

17.02.2003 г.

Нынче все, как у классика, вышло:
Вот деревня моя, вот дом.
Те же ставни, и та же крыша,
Только что-то чужое в нем.

Поняла.
И лишилась речи,
Сжалось сердце мое в комок.
Не спешит моя мама навстречу,
И на сенцах висит звонок.

Прохожу по избе со слезами:
Наше зеркало.
Наш комод.
Только нет в нашем доме мамы,
Не откроет она ворот.

Переполнила лес земляничка,
Папка рядом — бояться ли гроз?
Я, девчоночка-невеличка,
Мы идём на Архипов покос.

У меня — двухлитровый бидончик.
Папка держит большое ведро.
Голосочек мой, колокольчик,
По-над полем звенит далеко.

Набрала ли я, сколько съела —
То не важно.
Важно одно:
Вместе делаем важное дело!..
Как же это было давно...

11.2003 г.

Я родом оттуда, где тёплые росы,
Где вместо будильника утром — петух,
Где радостно люди спешат на покосы,
Так, словно работа их — песенный круг.

Капустной рассадой поделится Гутя,
Володя литовки, шутя, отобьёт.
Комбайна штурвал Ванька с Витькою крутят,
А Сашка Давыдов вспахал огород.

И пусть это быт.

Не поэзия.

Проза.

Да было бы место хорошим делам.

И пусть над деревнею ливни да грозы,

Я родом оттуда.

Душою я там.

26.11.2003 г.

СЧАСТЛИВАЯ

Я от жизни не требую много —
Я счастливой иду по земле.
Пусть беспочвенна будет тревога
За достаток на каждом столе.

Довелось мне в деревне родиться...
Хоть давно человек городской.
Я хочу, чтоб родилась пшеница
На полях у деревни родной...

Пусть так будет по всей России —
Детским ножкам по травке ступать.
И еще —
Урожаи большие,
Чтобы было кому убирать.

1.2003 г.

ТЫ ЖИВЁШЬ В МОЕЙ ПАМЯТИ, МАМА...

Ты живёшь в моей памяти, мама,
В моём сердце, в моей мечте.
Поднимаешься утром рано
И весь день на ногах, в суете.

Я не помню, чтоб ты отдыхала,
Знать, написано так на роду.
Ты не просто ходила — летала,
Разговаривала на ходу.

Всё могла: на делянке с пилою,
В огороде картошку копать.
Только мало была со мною,
В редкий миг могла приласкать.

А с покоса всегда возвращалась,
Когда солнце ушло отдыхать.
Моя бедная, шла и мечтала:
Вот коров подою, да и спать.

Но заснуть не давали заботы,
Вроде, только успела прилечь:
До того, как уйти на работу,
Пирожков ребятишкам испечь.

И пишу я об этом с тоскою,
И живу со слезами в глазах.
Всё равно ты осталась со мною
В моих мыслях,
В моих стихах.

РУКИ БРАТЬЕВ

С давних трепетных детских пор
Знаю братьев крестьянские руки.
Что знавали косу и топор,
И по жизни не ведали скуки.

Трудовая сухая мозоль —
Неизменное их украшение.
В них — надежда и радость, боль,
В них селянских задач разрешение.

На родимой земле испокон
Знал селянин и горе, и муки.
И за то вам низжайший поклон,
Моих братьев крестьянские руки!..

27.11.2003 г.

НОСТАЛЬГИЯ

Не в моей ли деревне было:
Перепляс, перестук, пересвист?
— Где вы, добрые старожилы,
Где Натальяин Петро-гармонист?

Но теперь ни в единой избушке
Ни огня, ни теней не видать.
Где нам, мудрые наши старушки,
Души стылые отогревать?

Только вьюга дикие песни
Залетевшему ветру поет.
А душа моя, если честно,
В нашей прежней деревне живет.

ПЕПЕЛИЩЕ

Ещё жива была надежда,
Что дом отцовский где-то ждёт,
Что там, в деревне, как и прежде,
Под кров родимый нас зовёт.

Среди крапивы тропку ищем.
Навстречу — пусто.
Никого.
На месте дома —
Пепелище.
И ни крыльца.
И ничего.

В пустой деревне одиноко
Своих жильцов напрасно ждал.
Рукой холодной и жестокой
Огня был пущен страшный пал.

Я слёзы горечи глотаю —
Где Красный угол? —
Пепел. Тлен.
И землю с пеплом обнимаю,
И нету силы встать с колен.

07.2002 г.

ФАКТ

Меня в детстве ничем не обидели...
Факт один из него достаю:
Однокласснице Альке родители
В школу двадцать копеек дают.

Алька вафли в сельпо покупает,
По кусочку из парты берёт,
Сладким запахом нас раздражая,
Отправляет, смакуя, в рот.

Я из прошлого много забыла,
Этот факт я не зря берегу:
Было детство счастливым,
Было...
Но «двадцатчик» простить не могу.

18.11.2003 г.

ЗЕМЛЯКАМ

На земле, на родной, на заброшенной,
Яркой зеленью — сорняки.
Что искать на чужбине хорошего,
Мы разъехались, земляки?

Двери, окна давно заколочены,
Прямо в сердце забит каждый гвоздь.
И суровую ниткой прострочены
Наши души и мысли насквозь.

Нас отчаявшись ждать, умирали
Одинокие старики.
Мы без Родины жить устали,
— Так поедем домой, земляки!

ДЕТСТВО

Вижусь я семилетней девчонкой,
Брату около девяти.
Рубль лежит на столе под клеёнкой —
Нам с Серёгой за хлебом идти.

А родители, встав спозаранку,
Видно, в жаркой работе с утра.
Старших братьев взяли в делянку —
Им тринадцать и десять.
Пора!

Подгоняют друг друга два брата,
Мать вздыхает: ещё малы.
А отец как прикрикнет матом:
Что ...заснули возле пилы?

Мы с Серёгой рады стараться —
Нам особое дело есть:
Если хлеб привезут по шестнадцать,
Сразу купим буханок шесть!

Был нам хлеб этот сладок очень,
Мы не знали столичных конфет...
Слёзы будят меня среди ночи —
Полсемьи в этой жизни нет.

ОТКРОВЕНИЕ

Откуда моя простота?
Да я ведь девчонка с Урала.
Другим помогать —
мечта —
Сегодня реальностью стала.

Откуда моя доброта?
Из какого она истока?
Это предков родимых черта
Передалась издалёка.

Откуда все корни мои?
Исканий и творчества жажда?
Да я ж из крестьянской семьи,
Что вывела в люди однажды...

05.2001 г.

ВАНЕ

Когда я достигаю высоты
В поэзии, работе и быту,
Я, Ванечка, мечтаю, чтобы ты
Делил со мною эту высоту.

Я помню, как жалея и любя,
Ты привозил и деньги мне, и снесь.
Пускай сегодня посетит тебя
Та гордость, что самой не одолеть.

Не только за меня, и за село,
Не только за просторы и поля.
Ведь нам с тобой безмерно повезло
Жить, где цветёт любимая земля.

Что чувствуем её покой и стон,
Что к ней полны признанья и любви.
И маме нашей мы в земной поклон
Склоняем снова головы свои...

01.2001 г.

МОЙ ДОМ

Просыпаюсь на горячей печке,
Правый бок горит от кирпича.
За окошком утро или вечер, —
Не пойму спросонок,
Сгоряча.

Мать с отцом беседуют чуть слышно —
Шёпотом —
детей не разбудить.

Вот отец с ведерком в сени вышел, —
Перед выгоном корову напоить.

Скоро братья будут просыпаться,
Не сосед, не друг им долгий сон...
Никуда не надо собираться.
Воскресенье.
Деревенский дом.

05.2000 г.

МАМЕ

Опять друзья уехали на юг,
Где море чудное и ласковое небо.
А я в мечтах: из маминых бы рук
Домашнего — из русской печки хлеба.

Без маминых тоскую пирогов,
В которые замешаны с дрожжами
Забота, ласка, нежность и любовь,
Чем так щедры извечно наши мамы.

И пусть друзья уехали на юг,
Мне б до могилки маминой добраться.
И там при ней, после тревог и вьюг
В смятенье чувств и мыслей разобраться.

07.2001 г.

Я ИДУ ПО ДЕРЕВНЕ

Я иду по деревне —

мне снова семнадцать,

Тетя Глаша стоит у ворот.

Не меня ли решила дожидаться,

Всё мечтая: в невестки возьмет?

И Варвара некстати у дома,

(Надо ж было пойти на беду!)

Вся в предчувствии молнии, грома,

Как по углям горячим иду!

А пройду, поведут разговоры:

О причёске,

нарядах,

ногах.

Выйдет Манька-соседка на споры —

Руки в боки —

И как на торгах.

Надо было тогда объясниться.

А теперь вот который уж год

Только-только прикрою ресницы —

Тетя Глаша стоит у ворот...

ЖИВАЯ ВОДА

Это в сказках — живая водица,
А по жизни несу я мечту,
Чтоб как в детстве вволю напиться
Из колодца в заветном саду.

Звук цепи после бдения ночного
Нас будил как малиновый звон.
Как наказ чудотворца святого,
И могуч, и всемогущ был он.

Да откуда мне сила дается,
Чтоб смеяться и петь, и любить?
Мне б водички святой из колодца,
Чтобы силы свои подкрепить!

11.2001 г.

ТЁТЕ ВАЛЕ

В тётю Валю — душа нараспашку,
Как деревней, по жизни я шла.
Там не знали девочку Сашку,
Там я просто Шурой была.

В доме том посредине деревни
Редкий день проходил без гостей.
Замечателен принцип наш древний:
Накорми, кто зашел, обогрей.

Я порой прибегала без дела
И на лавке, в переднем углу,
У окна под божницей сидела —
Первый гость, как на званом пиру.

Моей памяти легкая струнка
Прозвенела теплом из зимы:
На буржуйке — картошки чугушка,
А под печкой — мои пимы.

Мы крестьянского роду, не знати,
Ценим память Добра и Тепла.
Помню матицу, помню полати,
А под ними — качеля была.

Разорили в углу голубь-пташку,
Напустили разруху-беду.
В тётю Валю — с душой нараспашку,
Как деревней по жизни иду.

03.2001 г.

НАДЕЖДЕ

Позабывать? —

Не в моей это власти:

Палисадник, калитка, дом.

Наше лёгкое детское счастье

По деревне прошло босиком.

Там, у озера — светлый лесочек.

Тихо.

Ласковый шум камыша.

Вот об этом — тысяча строчек,

В них надежда моя и душа.

Привкус шанег с морковкою сладкий

И черёмухи вяжущий вкус.

Там любимой игрой были прятки,

На полатях — защитный брус.

Парасковья,

Федосья,

Мария

И Наталья — родные мои.

В них —

Фундамент великой России,

В них —

Источник Добра и Любви.

Не позволю угаснуть надежде...

Пусть деревней в отеческий дом

Добрым утром,

Смеюсь, как и прежде,

Две сестры пробегут босиком.

03.2001 г.

НАЗОВУТ «ГОРОДСКОЙ»...

Назовут «городской» — не обижусь, —
Двадцать лет этот город мой.
Вот иду по асфальту и вижу:
Я иду по деревне домой.

Рано утром шагали с граблями
По обилию теплых рос —
За пшеничными за полями,
На Шаламовом поле покос.

А другой наш покос на болоте,
Потому он и «остров» назван,
Где, закончив в совхозе работу,
Сенокосил мой брат Иван.

Оттого ли, что к старости ближе,
Возвожу в свое детство мост.
Назовут «городской» — не обижусь,
Но все тянет на наш покос.

09.2000 г.

СТАРШИЙ БРАТ

Жизнь, бывает, обидами ранит,
И тогда я спешу назад
В память чистую.
Там, где Ваня,
Мой любимый,
Мой старший брат.

Взгляд родной, испытующе-строгий,
От родителей мудрых дан.
И такое дается не многим —
Гордо-русское имя —
Иван.

Ты с годами становишься ближе.
Твой задумчивый, добрый взгляд.
Я за тысячу верст тебя вижу,
Мой любимый,
Мой старший брат.

БЫЛО ВРЕМЯ

Было время — деревни богатые
Просыпались под гул тракторов.
И просили дела непочатые
Работающих рук мастеров.

Было время — порой сенокосною
Собирался народ до зари.
И качались в лугах травы росные,
Когда с песнею шли косари.

Было время — и свадьбы весёлые
Успевали на тройках катать.
И спешили мужчины пред школою
И учителем шапку снимать.

Было время — отец наш неласковый
Строил домик-дворец для скворца.
Были мы беззаботны и счастливы
Под надёжным присмотром отца.

12.2001 г.

СЛОВО ДОБРОЕ

Вновь на улице — холод и ветер,
И в простуженном сердце — дрожь.
И с надеждой мечтая о лете,
Добрых слов и улыбок ждешь.

Под асфальтом душа у многих
(Или не было никогда).
И, возможно, не той дорогой
Ты идешь...
И не знаешь куда.

Но идешь и идешь одиноко
Сам — частица глухой толпы.
И стареешь душою до срока
Среди общей ее немоты.

Каждый сам за себя отвечает,
Да не всем суждено это знать...
Слово доброе лечит печали —
Надо

Чаще

Его

Повторять!

01.2002 г.

СПАСИБО, СЫНОК!

С детской трогательной любовью
(Я слова со слезами ловлю.)
Мне мужчина сказал по-сыновьи:
Тётя Саша, я Вас люблю.

Как тут справиться со слезами?
Собираясь ступить за порог,
Я тогда поступила, как мама,
Прошептала: «Спасибо, сынок!»

01.06.2002г.

ВЕТЕР

По-над Обью ветер лихой
Ей, голубушке, строго кричит:
— Стражник я.
Хожу над тобой,
Делай всё, что мой голос велит.

На тебе мои шутки видны,
Моё кредо — повелевать.
Коль порывист я — волны темны,
Рассержусь, и тебе не гулять!

Нынче холоден я и суров,
И твоя вода холодна.
Мне не надо строптивости слов,
Будь покорна мне
И верна!

12.06.2002 г.

Строгий мамин немой вопрос:
Как справляешься, дочь, без меня?
Соблюдать материнский пост
Достаёт ли тебе огня?

Выполняешь жены обет?
Строишь в будущее мечты?
А родне подаёшь привет?..
Строгий взгляд
с надмогильной плиты.

27.10.2002 г.

ЛЮБИМЫЙ СЫН

Несочтенный поток разногласий:
Сын-подросток, такой да сякой.
Он считает, что страшно несчастен,
Больше всех, как никто другой.

Разговор на повышенных нотах,
Что свидания в 23...
Вспоминаю: и мама за что-то
Осуждала поступки мои.

Вспоминаю её неприятье
Встреч моих также в ноль часов.
Я хотела тогда доказать ей,
Что приходит лишь в юность любовь.

А когда было мне два десятка,
Оценила я мамы слова —
От любви было горько и сладко, —
Ах, как, мама, была ты права!

Вот и сыну любимому двадцать —
Дожила до счастливого дня.
Он в ошибках готов бы сознаться...
Огорчать не желает меня!

10.10.2002 г.

ВЛЮБЛЁННЫЕ ФОНАРИ

Фонари над холодной рекой
Расточают приятный свет.
В длинный ряд разместили строкой
Молчаливый любовный бред.

Их молчание, как припев
В ненавязчивой песне весны.
Увлечлись, ощутить не успев,
Равнодушья холодной волны.

Вот и люди в красе неземной
Видят только свою мечту.
И не чуют души ледяной
Бессердечие и пустоту.

ДВА ЗВОНКА

Два звонка телефонных, —

Межгород.

Подругам.

Ведь у дружбы у нашей —

серебряный стаж.

И морозят со временем зимние выюги

Чью-то память и возраст,

Да только не наш.

Для звонков, как для возраста,

нет иных истин:

Только б голосу внять,

да услышать бы смех!

Только б совесть свою

перед дружбой очистить,

А при горе всплакнуть,

Радость внять — за успех!

Пусть опять на работу.

То — завтра,

Наутро.

Есть ведь ночь впереди,

Чтоб отдаться мечтам.

От проблем избавляюсь

Назойливо-нудных,

Когда номер набрав,

Попадаю к друзьям!

8.06.2003 г.

КОРОЛЕВА

В волосах травяных
Среди топких болот,
Там, на кочке, красна
Королева живёт.

Здесь, в сибирских лесах,
Её власть испокон,
А Брусничка-княжна
Стережёт её трон.

Дарит сон и покой
Многолетьем сильна
И в тебе, и во мне,
Как Россия сама.

09.2003 г.

ПОДРУГИ

Раскинувши добрые руки
В просторы родимой земли,
Теплом поделиться подруги
Сердца свои привезли.

В огромную общую кучу
Собрали живое тепло.
И спрятались тёмные тучи,
И в мамином доме светло.

Здесь дружбу не меряют граммы,
Сердечности не занимать.
Им стала заботливой мамой
Счастливой подруженьки мать.

Пускай полетят юбилеи,
За этим другой.
И ещё.
И стало от дружбы светлее,
И от тепла горячо!

08.2003 г.

УРАЛЬСКИЕ ПОСИДЕЛКИ

*Невыдуманная история
про тёщу и зятя...*

На зятя тёща обижалась,
Всё собираясь сказать
(Как собиралась, так сказала):
— Зачем не пьёшь со мною, зять?

Но зять свои соображенья
Всегда имел на этот счёт:
Чтобы не портить отношенья,
Не пил, родимый.
И не пьёт.

Да вот однажды не сдержался,
Сам не желаячи того,
Он взял, да так «насобирался»,
Что и не помнит ничего.

И там, на тёщином диване,
Он вспоминал про чью-то мать.
И про деревню.
В том лишь плане,
Чтобы по бревнам раскатать.

А тёща съёжилась от страха,
Лишь Бога молит одного:
Ах, за кого ж ты, моя птаха,
Да замуж вышла?
За кого?

Потом пришло на ум мамаше,
Что под диваном, где зятёк,
Ружьё хранилось. «Мелкашка».
Ну, помогай же теще, Бог!

Ох, изощрялся зять в угрозах.
Всем, кто там будет стар и мал.
Но, прекратив, однако, прозу,
Он соскочил и побежал.

Потом, путей не разбирая,
Настолько милый пьяный был,
Что в сени шустро выбегая,
На ногу теще наступил.

И, не боясь уже расплаты,
От боли в ноженьке своей,
Вскричала теща: «Слон проклятый!»
И не до зятя было ей.

А зять ругался не от злобы,
Он не хотел обидеть мать.
Схватил гармошку в сенцах, чтобы
«Катюшу» мастерски сыграть.

И долго он казался теще,
Зятёк, как беспробудный сон.
«Да кто играт-то среди ночи?»
А дочь ответила: «Да слон».

И было утро, когда тѣще
Не мог смотреть наш зять в глаза.
Она сказала: «Вывод проще —
Не пьѣшь? —
Ведь пить тебе нельзя!!!

07.1982 г. — 09.2002 г.

СЕНОКОСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Витьке рыжему выпить охота:
Где б червонец ему достать?
А у Сашки другая забота:
Сашке нынче — сено метать.

И на небо с тревожной оглядкой:
«Боже! Милый! С дождём погоди!
Что-то с трактором вновь не в порядке,
Где помощников ловких найти?!»

Дометал, перекуров не зная,
Сел у стога на самый край.
Пот солёный со лба вытирая,
Он к Витюхе: «За литрой сгоняй!..»

5.08.2002 г.

КОМБАЙНЕРША ТАНЯ

История эта не кажется древней —
Она о девчонке из нашей деревни,
О той, что в горящую избу войдёт,
Комбайн остановит. И вновь заведёт.

И Таня не знала ни грусти, ни скуки —
В педвузе она изучала науки.
Нетягостной эта наука была —
Попутно комбайнеров курсы прошла.

Закончился курс тот. И радостно Тане:
Комбайнера «корочки» в правом кармане.
И Ваня, брательник, её поддержал,
В селе на комбайне косил он и жал.

А летом и Таня в деревне жила —
Корову доила и сено гребла.
Всё в строгости было, не впопыхах.
Подружки бывали у Тани в гостях.

В тот памятный день среди жатвы разгара
Подружки сидели в тенёчке амбара.
И там под пластинки своей радиолы
Весь мир им казался простым и весёлым.

Среди задушевных девичьих бесед
И Ваня приехал домой на обед.
Девчонок он встретил улыбкой сердечной,
Но только ступил на родное крылечко,

Его попросила таинственно Таня:
«Дай мне прокатиться чуть-чуть на комбайне».
Был Ваня серьёзен, разумен и строг,
И глупых решений принять он не мог.

А тут, словно бес прошептал ему: «Дай!»
— Ну, ладно, сестрёнка, — сказал он, — езжай!

А Таня другого ответа ждала,
Комбайном-то править не очень могла.
Но — юность! Горячка! Ни шагу назад!
Она за поддержкой к подругам свой взгляд.

— Айда на комбайне со мною, девчонки!
Увы! — Аля с Машей остались в сторонке.
А Ваня — он мастер большого порядка:
В ажуре комбайн. И новая жатка.

И тормоз исправный. И всё без секрета,
Да только вот Таня не знала про это.
О тонкостях разных и не было речи —
Комбайнерских курсов был срок скоротечен.

Несмело тут Таня взялась за штурвал,
Сцепление. Скорость... Комбайн завизжал!
Его так хозяин вовек не пытал.
Чтоб с места? Да третью? Нет, он не включал.

И Ваня, предвидя возможный урон,
На улицу бросился в панике он.

А Таня надеялась только на Бога.
На «третьей» она пролетела дорогу,
На ней за дорогой канаву прошла,
И прямо на столб, не сбавляя, пошла!

Направо, налево штурвалом! — никак!
Жаль: новая жатка. И столб не пустяк.
Сидит за штурвалом Танюша одна,
А Ваня внизу: он — белей полотна.

Не просто он рядом с комбайном бежит,
— Сестрёнка, там тормоз! — ей Ваня кричит!
— И как же про тормоз могла я забыть? —
Подумала Таня, успев надавить.

Но жатка уже «обнялась» со столбом,
И к Тане отец поспешил с колуном.

Ему возмущения не занимать...
Уж тут не помогут ни Бог и ни мать.

Он Таню не слышит. Проси-не проси.
И к брату девчонка: «От папки спаси!»
Не ведает Таня, а где там подруги,
Куда от отца ей деваться в испуге?

И спряталась в старой, «по-чёрному», бане,
Где горько рыдала комбайнерша Таня.

А Ваня спешит на комбайне в гараж
Исправить сеструхин к столбу абордаж!
Как будто не Таня, а он въехал жаткой
И сам исправляет свои неполадки.

А Таня в опаске разборок и туч:
— Что, Ваня, тебе? — на «14» ключ?

...Про случай про этот в деревне узнали,
Да больно Ивана все уважали.
Молчали сельчане. Такое село —
И все наказания тогда пронесло.

Но после, в деревне, лет двадцать спустя,
Ей скажет сосед: «Я ведь знал про тебя.»
И Таня боится с тех пор. И не диво!
Комбайнов с достойным названием «Нива»...

ПРО ЛЮБОВЬ

Она невелика — деревня-та наша:
Там люди добрее и озеро краше.
И в этом любого заверить берусь я —
Ведь в нашей деревне живёт тётя Дуся.

Не видела Дуся-та жизни хорошей,
Как тожо не видел и друг ей Олёша.
Хоть вовсе не молод, однако же, крут,
Что старый и малый Олёшей зовут.

И Дусю Олёша, как добрый мужик,
Гонять по деревне, конечно, привык.
И знала про это деревня вся наша:
И Маня-суседка, и сродница Глаша.

Когда, погостив, мы отталъ уезжали,
То стары обычаи позабывали.

С подружкой мы были у мамы в гостях,
Димуля нас вёз на своих «Жигулях».
Вот справа узрели ужасное диво,
Как бабе мужик там внушал неучтиво.

Он тазик у борова сгрёб из-под носу,
В траву опрокинул картошку и просу,
И тазиком энтим, как ватой в мешке,
Он Дусю колотит по глупой башке.

Ишшо успевая ногой помогать,
Попутно ссылаясь как будто на мать.
Димуля-та рядышком тут проживал,
Концерты подобные часто видал.

И в том криминала не усмотрел,
Спокойно и дальше он ехать хотел.
Да только с подружкой вступились мы тут:
— Да как же ты можешь? —
ведь женщину бьют!

Димуля «Жигуль» свой слегка приглушил
И храбро Олёшу за ворот схватил!
Олёша харчи-то не зря проедал,
Димулю сперва под себя он подмял.

И гордая Дуся ходила вокруг,
Что славно дерётся ей доблестный друг.

Димуля моложе. И он половчей,
И тут оказался немного шустрей.
Вот руку сопернику он заломил...
И Дуськин Олёша, как зверь, завопил!

У Дуси и радость пропала вся враз,
Она уж к Димуле, как дикобраз!
Вопит: «Мужика ты моёва не трожь!»
Ты чё же, бесстыдник, Олёшу-ту бьёшь?»

Мы дружно с Димулею тут порешили,
Что зря на влюблённых столь время убили.
Да пусть они любят всё крепче друг друга —
Олёша и Дуся. Супруг и супруга.

А вывод должен быть один только здесь:
Дерутся супруги — в середину не лезь!

ВАРВАРА, КОРОВА И ПИВО

Варвара в деревне корову искала,
Корова с пастушни пришла и пропала.
Варвара скорей узнавать к пастуху —
Он всё рассказал ей, как есть на духу.

Корова гуляла достойно и мило,
С быками чужими она не ходила,
На пашне соседней она не гуляла,
Но факт, он есть факт, — корова пропала!

Божится пастух: нет коровы в полях,
За складом, за фермой, и нет в тополях.
Варвара деревней бежала кругом,
Искала за озером, за гаражом.

Присела она отдохнуть на крылечко,
Тревожно стучит у Варвары сердечко.
Тревога была здесь особого плана:
Боялась Варвара супруга Ивана.

В деревне у нас в этот день, как всегда,
Готовился праздник большой — «Борозда»!
Посеяли хлеб. И все пашни вспахали.
И клуб нарядили. Деревню прибрали.

Готовились дружно, и все, как могли,
И пиво с району в сельпо завезли...
На праздник. В бутылках. И разливное.
Светлес. Темнее, — кто любит какое.

Варварушка вовсе не дура была,
И пива бочонок она припасла.
Ведь праздник какой! Тут и выпить не грех.
А гости придут, чтоб хватило на всех!

Но в рамках обычного свинского цикла
Потёрся их боров о край мотоцикла.
И дальше всё было по-русски, как в сказке —
Проверить решил он, что было в коляске:

Две хлеба-буханки, стеклянные банки,
Картошка в авоське — за долг бабке Фроське.
И пиво в бочонке, что с гладким бочком,
Похрюкав, Борис покатила пятакком.

А пробу с его всем совхозом сымали, —
Конечно, бочонок уже открывали.
Понятно, что пробка легко соскользнула,
И Борьке в «пятак» свежим пивом дыхнула.

И хоть не приучен был к пиву наш хряк,
Бочоночно пиво учуял бы всяк!
Тут мимо корова хозяйская Майка,
С пастушни шагала в любимую стайку.

И справилась с Борькой, представите сами,
Копытом, хвостом и, конечно, рогами.
Кто пиво, да с рыбкою пил, тот поймёт,
Как быстро то пиво нам в ноги даёт!

Вот доза ведёрная Майкой допита,
И Майке ударило сразу в копыта.
Она не попала в любимую стайку,
Соседи жалели Варварину Майку.

Ей ложем служила за домом крапива,
Где ночь проспала эту Майка счастливо!
И искренно думала Майка, не льстиво:
«Да здравствует чудо — Долматовско пиво!»

ЛЮБАВА ИЗ НАШЕЙ ДЕРЕВНИ

В деревне родимой, где дружно мы жили,
Как помню себя я, все брагу варили.
К «Октябрьской» и Майским, Петрову ли дню
Сбирали на праздник суседей, родню.

И ежели весной собирались к Федосе,
На «Троису» все — обязательно к Фросе.
В ту пору в деревне, как въедешь, так справа,
Жила-поживала бабёнка Любава.

Сурьёзной Любава сшита была бабёнкой,
С сосновой, в пять окон, добротной избёнкой.
Правдивости в том я не сколь не нарушу:
Любили Любаву за щедрую душу.

Таку она брагу варить — мастериса!
Что всё ишло этот напиток нам снится!
В тот год, не совру я, к своим именинам,
Она не скупала заморские вина.

Но после «Октябрьских», на свой юбилей
Решила Любава собрать всех друзей.
Деревня у нас невелика была
И дружбой людей по району слыла.

И браги Любава на всех припасла!

И вот собрались: Ермолаев Иван, —
Всегда наливал себе первой стакан.
Суда жё пришла и Дерябина Нюра,
Что сплетни пускать не последняя дура!

В назначенной час подошла без оммана,
Сурьёзна во всём, почтальонша Ульяна.
И Петька Натальин пришёл, гармонист,
Чудак, балагур — деревенской артист!

Скурихина Манька, Федосья и вроде
Должна хлебовозка прибыть на подводе.
Тут Валя с Егором, Тамара с Петром, —
К Любаве все дружно пошли вечерком.

Вот клич уж к столу именинницей дан,
И слово берёт Дорофеич Степан.
(Он был управляющим в нашей деревне).
Хвала про Любаву была тем напевней:
Частенькё суда заходили в оградку,
Стаканщик-другой пропустить штоб «с устатку»

И вот наш Глава деревенской Управы,
Сказал своё слово за щедрость Любавы.
Потом Дураков, а по-нашёму — «Шуро»,
Как будто мужик. Толькё с бабской натурой.

Захаживал он с предложеньём к Любаве,
За это и спал под окошком в канаве.
Сказал Сенокосов Иван опосля:
«Она завсегда одолжит три рубля.»

Потом взяли бабы во власть своё слово,
Под общей настрой говорили таково:
Что, мол, петухи, как пройдёшь по деревне,
У нашей Любавы поют всех напевней.

Мол, чё говорить? И какой тут омман?
Любавин, на диво, хорош сарафан!
Да вон, поглядите, у нашей Любани
Красившее всех расцветают герани!

И тут говорит всёй деревни Управа,
Степан Дорофеич: «Послухай, Любава!
Ты сёдни красива у нас, как невеста,
И в нашей деревне тебе уж не место.

Мы думам, тебя надо «в люди» отправить,
Ты нашу деревню смогла бы прославить.
И хоть по тебе мы тожно затоскуём,
Но дружно за будущее проголосуём!»

...На дровнях Любаву в район увозили,
Деревню всёй провожать приходили.
Желали всего: не пера и не пуху...
С тех пор от Любавы не слуху, не духу.

Я ноне в деревне опять побывала,
Опять бесполезно Любаву искала.
И в добрые люди когда выхожу я,
Ишшу и ишшу, — и не нахожу я.

Ищу по приметам, што знала я ране:
Высокая грудь. На окошках — герани
И с именем энтим ежели встречаю,
Любавушку в ей я подозреваю.

И в каждой улыбке я вижу Любаву,
Ко всем приставать я решаь по праву.
Ведь нужной ответ будёт песни напевней:
«КТО ВИДЕЛ ЛЮБАВУ
ИЗ НАШЕЙ ДЕРЕВНИ?»

11.2001 г.

ДУСЬКИНЫ УТКИ

Быков Димуля ружьишко нашёл,
На водопой он с братаном пошёл.
Стреляли в камыш братаны ради шутки.
...Там больше не крикают Дуськины утки.

Дуська грешила на Ваньку за уток,
Было Ивану совсем не до шуток.
Дуська ему переслала привет:
Сломала жердину о Ванькин хребет.

Димка, Андрюха да Ванька, — все вместе
Просто горят от желания мести.
А кончилось дело приятным концом —
«Оммыли» убыток сельповским винцом.

21.12.1991 г.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЭКОЛОГИЯ

Говорит вполне по праву
Воскресенский наш Васёк:
На Хмелинина заяву
Я вполне подать бы мог.

Этот повод очень древний
(Факт такой не грех найти).
С экологией в деревне
Всем известно — не ахти...

А Володины коровы
У Василья под окном
Какают на травке новой
Прямо ясным чистым днём.

Вот Васёк и взбунтовался:
От телят, мол, спасу нет.
На фиг мне навоз ваш сдался,
Вот пойду я в сельсовет!

Ну, и что?! — Что в сельсовете
Твоя Люба — зам. Главы?»
Если плохо меня встретит,
Я дойду и до Москвы!

.....

Под окном телята спали
(Под Васюхиным пока).
Рядом, на бревне, болтали
Два прекрасных мужика...

ЛЮБА И ВАСЯ

Всё хотел сосед Василий
В сельсовет «заяву» несть.
Мол, соседские телята
Замарали его честь.

А в ответ соседка Люба,
Не стремясь ту честь отмыть,
Говорит совсем не грубо:
— Надо б дерево спилить.

Мол, берёза твоя, Вася,
Соки выпила мои.
Было бы гораздо басе,
Если б тут сады цвели.

Эдак жизненная проза
Превращается в мечты:
Вася — про телят с навозом,
Люба Васе — про цветы...

14.07.2002 г.

ПОГОВОРИЛИ!..

ДУСЬКА: Суседка, здрастуй!
Как живётся?

МАНЬКА: Ой, Дуся, и не говори!
Не пляшотса и не поётся,
Везде всё ноёт да болит.

Д.: Дак щё ты, Маня, захварала?
И щё хоть у тебя болит?

М.: Да поесниса вся отнялась,
Наверно, Дусь, ридикулит.

Д.: Я тожо ночью не сыпала,
Сомкнуть глаз с глазом
не пришлось.

М.: Неужто тожо захварала?
Дак ты ж здоровая, как лось!

Д.: Всю ночь я, Маня, у окошка,
От страху было не до сна.

М.: А щё, с тюрьмы
вернулса Гошка? —
Дак ты ить дома не одна.

СИГАРЕТЫ ВЗАЙМЫ

Возможно, в селе есть немало соседей,
Из тех, что друг с другом общением бредят.
Из тех, что поставив свой «Т-25»,
Они не торопятся сразу в кровать.

Наш Вася на улице на Магазиной
Живёт припеваючи вместе с Галиной.
А что бы Василию не припевать? —
Он любит с соседом курить и болтать.

Ведь всё для куренья супруг ищет Любы,
А что у Василья? —
Желанье да губы.
Такого Василья ещё поискать!..
Понятно, что Люба привыкла ворчать.

КОММЕРЦИЯ ПО-БАЛАБАНОВСКИ

Про криз экономический
В районе всем известно —
Здесь каждой яркой личности
Особое есть место.

Звучит-то как: «коммерция!» —
Красиво несказанно.
Возникла эта версия
В мозгах у Балабанова.

Придумал этот господин
Коммерческий автобус.
Придумал с кем-то иль один —
Теперь узнать попробуй.

Запомни, бабушка, одно:
— О льготах не проси.
Хоть в Озеро, хоть в Лукино, —
Маршрутное такси.

А бабушки? — Что их судить! —
Они удобств не ищут.
Наёмный Федя на такси
Сбирал с них по две тыщи.

...Весенний праздник долгожданный
Пришёл в деревни и район.
Здесь каждый гость всегда желанный,
Коль вовремя прибудет он.

Из АТП водитель Федя
Привёз и в Озеро гостей.
Он знал, что дочкой мама бредит,
Решил помочь тот Федя ей.

Привёз он дочку издалёка.
Надолго? Нет ли? — Как сказать.
Но поступил весьма жестоко,
Решив за ней не приезжать.

И господин ли Балабанов
Так поступить ему велел?
А, может, был тот Федя пьяный?! —
Рулить 8-го не сумел?

Напрасно гости бабы Вали
Шли в ожидании на площадь.
Они такси с Катайска ждали —
Их увезла под вечер лошадь.

Путь АТП из криза ищет,
И Балабанов преуспел.
Ах, знал бы он про эти тыщи,
Что Федя взять не захотел!

Кто был там: Федя иль Серёга? —
Начальник лучше знает их...
Вы, наживаясь, хоть немного
Старайтесь думать о других!

КТО КОМУ ДОЛЖОН?

Мишка с Гришкой — два соседа,
Что живут возле селпо,
Разбирались нынче летом,
Кто кому должен? — И что?
Разошлись в горячем споре
На Михайловом крыльце.
И доказывают Григорий
Без улыбки на лице.
Крепко держит свою марку
Он, пытаюсь доказать,
Как «задёшево» солярку
Мише он хотел продать.
Михаил завёлся в споре.
Он — горяч! И щёки — жар!
— Вспомни, Гриша! Я ведь море
Выдавал тебе сигар!
Забывашь свои. Аль нету,
Чепуху я не гоню.
А, бывает, и сигарету
Не одну даю на дню.
— Чё уже отравы жалко?
Называется: «сосед!»
Мы не жадные вот с Галкой,
Жадность — это хуже нет!
— Ты, Григорий, шибко грубо
Начал влево забирать.
А давала кофту Люба

Тибe руки вытирать!?

— Ну, сосед, уж это слишком:
Помнить кофту до сих пор.
Я эть той кофтёнкой, Мишка,
Стёкла в тракторе протёр.
Мы с тобой эть не придурки:
Люба — женский идеал.
Рассердилась за окурки —
Я их все тогда собрал.
Мы же грамотные люди,
Не считам вокруг ворон.
Может, и считать не будем,
Кто кому и чё должен.
Не совсем эть у нас крыша
Набок начала съезжать.
...И пошли тут Гриша с Мишей
Примиренье обмывать.

БАБА ВАЛЯ ДОМА?

Рассказ

В соседнем дворе запел первый петух. Тотчас же ему начали вторить певцы с насестов соседних дворов и сараек. Во дворе бабы Вали не было такого будильника — он просто был не нужен ей, да и ходить за ним и его семейством ноги уже не соглашались. В последнее время она просыпалась намного раньше этого бесплатного помощника. Да и спала ли она вообще — на этот вопрос баба Валя не могла ответить уже давно; с тех пор, как ее сыночек Генушка добровольно ушел от нее в загробную жизнь. Добровольно ли? Как? Почему? — первые десять лет эти вопросы ходили по ее ветхому дому, садились к ней на кровать и не позволяли смыкать глаз. Но прошло еще лет десять, сомнения уже не так часто мешали спать, и иногда к бабе Вале приходили другие, радостные мысли.

Прошлой ночью, например, она представляла, как скоро (а, может быть, на днях; а, может, даже сегодня), к ней придет ее любимая племянница Шуронька из далекого северного города. Бывало, баба Валя сомневалась, придет ли племянница в тот или иной год к ней. Ведь с тех пор, как схоронили мать Шуроньки, прошло уже несколько лет. Но нынче, совсем

недавно, племянница написала в письме, что обязательно приедет летом погостить. Баба Валя враз забыла, что собиралась умереть, когда придет тепло, чтобы легче было копать могилу. И она терпеливо принялась ждать приезда своей племянницы.

«Слава Богу», — еще одна ночь позади, — прошептала баба Валя молитву, и начала, кряхтя, спускать натруженные ноги на пол. Пол протяжно скрипнул под тяжестью тела хозяйки, а довольная кошка кинулась гладить больные ноги своим телом. Побренчав ручкой, баба Валя по-хозяйски отметила: «Мыло надо бы духовое положить». Есть не хотелось, и она привычно вышла на улицу, к скрипучим воротам. Села на лавочку, опершись на костыль, и направила свой тревожный взгляд на районную дорогу, откуда могли появиться люди, приехавшие на утреннем автобусе. Ей хотелось угадать, в чем будет одета ее «милая доченька», как уже давно привыкла называть племянницу баба Валя. Бог не дал ей родную дочь, и теперь она в снах и мечтах видела этой доченькой Шуру, она мысленно просила у покойной сестры Анны прощения за подобную наглость, но ничего не могла с собой поделать. В мечтах она даже фамилию племяннице присваивала свою.

Сердце подсказывало ей, что Шуронька

приедет именно сегодня. Баба Валя и боялась верить ему, чтобы потом, вечером, если «доченька» вдруг не приедет, не так сильно плакать. И в то же время вспоминала именно такие случаи, когда она не ошибалась в своих предположениях.

Из-за поворота показались первые приезжие. Это были местные безработные — они, видно, ездили отмечаться на биржу труда в район. «Где только они деньги берут на проезд? — удивлялась баба Валя. Ведь проезд на автобусе в один конец стоит ни много, ни мало пятнадцать рублей. Да обратно столько же. Это же мне можно неделю прожить на такие деньги!»

Вот появились «чужие». Одеты не по-деревенски, да и в руках сумки большие. Сердце екнуло: не мои ли? Весело переговариваясь, гости свернули радовать соседей — видно, неожиданно к сватье Марии сын со своей семьей. Прошли еще несколько местных. Это были конторские работники. «Вот прокатывают со-вхозные-то деньги, да еще целой оравой», — без злости подумала баба Валя.

Прошли мимо встречающие и никого не встретившие односельчане. «Эх, если бы ноженьки мои, как прежде, как шестьдесят лет назад бегали, да разве ждала бы я вот так, у ворот?» — с горечью подумалось бабе Вале.

Да я бы вперёд автобуса бежала, чтобы первой Шуроньку встретить!» Дорога опустела. Прощёл ещё томительный час-полтора ожидания. Опустошающее разочарование охватывало бабу Валю всё больше и больше. Точно так же было и два дня назад, и неделю, и месяц. А как-то после очередного напрасного ожидания истосковавшееся сердечко так прихватило, что фельдшерица Тоня потом целую неделю ходила с этими болючими уколами на дом к больной. «Надо идти домой, попробовать чего-нибудь поесть», — решила баба Валя. Но мысль, что следующий автобус в деревню будет только в конце недели так пугала, что ноги словно приросли к земле и не хотели слушаться. «Да когда это наладят автобусы-то, когда это будет горючего-то в достатке, чтобы ходили они каждый день?» — мысленно неизвестно кого отчитывала баба Валя.

Из дома напротив выходила подруга Шуроньки — Люба. Боясь, что Люба начнёт спрашивать у неё про подругу, и баба Валя не выдержит и, показав свою слабость, заплачет, она, придерживая ноющую поясницу, заковыляла в ворота.

Заставляя ноги подниматься на крыльцо, она услышала: «Баба Валя дома?» Нет, ни с какими другими голосами она не могла спутать эти дорогие звуки голосов детей Шуроньки

— Юли и Вовы! С самого раннего детства, когда ещё была жива сестра Анна, и дети приезжали к ней, они прибегали к дому бабы Вали и кричали эти слова под окошком. Сердце с тревожной надеждой ёкнуло. Но звуков не повторилось. «Вот уж и казаться начинает», — с ужасом призналась самой себе баба Валя. Она решила не поддаваться слабости, и не напрягать слух. Но этого уже и не требовалось делать. Повернув голову на скрип ворот, баба Валя, не веря своим глазам, увидела плачущую от радости Шуроньку, а рядом её взрослых детей — Юленьку и Вову, которые, как в детстве повторили: «Баба Валя дома?» И баба Валя, уже не сдерживая слёзы, прошептала: «Дома! Дома!»

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
--------------------------	---

Я жду

Ты	6
Я тебя жду	7
Спасибо тебе	8
Я люблю твои руки	9
Настоящая любовь	10
«Я еду в отпуск...»	11
Лене	12

Ошиблась кукушка

Родительский дом	13
Брат мне сноп подарил	14
Ночи белые	15
Зов родины	16
Запах травы	17
Трава конотоп	18
России — жить!	19
Ромашковое детство	20
Деревенская зарисовка	21
Богомолицы	22
Поклонение	23
Деревенька моя	24
Кукушка	25

Ошиблась кукушка	26
Мой отец	27
Хочу домой	28
«Я, босая, иду по земле...»	29
Ветер с Урала	30
Там, у воды... ..	31
Мы с мамой	32
«Нынче все, как у классика, вышло...»	33
«Переполнила лес земляничка...»	34
«Я родом оттуда, где теплые росы...»	35
Счастливая	36
Ты живёшь в моей памяти, мама... ..	37
Руки братьев	38
Ностальгия	39
Пепелище	40
Факт	41
Землякам	42
Детство	43
Откровение	44
Ване	45
Мой дом	46
Маме	47
Я иду по деревне	48
Живая вода	49
Тёте Вале	50

Надежде	51
Назовут «городской»... ..	52
Старший брат	53
Было время	54

Поздний шепот

Сильная, мудрая русская женщина	55
Слово доброе	56
Спасибо, сынок!	57
Ветер	58
«Строгий мамин немой вопрос...»	59
Любимый сын	60
Влюблённые фонари	61
Два звонка	62
Королева	63
Подруги	64
Уральские посиделки	65
Сенокосные проблемы	68
Комбайнерша Таня	69
Про любовь	73
Варвара, корова и пиво.....	76
Любава из нашей деревни	79
Дуськины утки	83
Деревенская экология	84
Люба и Вася	85

Поговорили!..	86
Сигареты взаймы	88
Коммерция по-балабановски.....	89
Кто кому должен?	92
Баба Валя дома?	94

Александра Лазарева

ЗЕМНАЯ ОБИТЕЛЬ

Корректор В. П. Бумагина

Сдано в набор 20.02.2004. Подписано в печать 09.04.2004. Формат 60х84^{1/16}. Гарнитура «Академия». Бумага ВХИ. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,05. Уч.-изд. л. 7,07. Тираж 500 экз. Заказ № 278.

Издательство ПО «Исеть», 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Отпечатано в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6, тел. 6-33-51.

Центральная
городская
библиотека
г. Сургут

